

С.К. Цатурова

**ДОЛГИЙ ПУТЬ К ВЕРСАЛЮ.
ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА
В XIII-XV ВЕКАХ**

Автор исследует структуру и функции французского королевского двора в классическое и позднее Средневековье, намечает основные линии трансформации двора в результате отделения от Королевской Курии органов исполнительной власти (Палаты счетов, Парламента, Королевского Совета, Казначейства, Налоговой палаты). Анализируются процессы институционализации публичных служб Дома короля (канцлер и Канцелярия, Палата прошений, Денежная палата), расширение их компетенции, взаимосвязь с ведомствами дворца, зарождение придворного общества и нового репрезентативного образа королевского двора.

Ключевые слова: история Средних веков, Франция, королевский двор, политические институты

История королевского двора во Франции подчас представляется как плавное и поступательное движение к общепризнанному эталону данного явления – версальскому двору Людовика XIV. Но такое представление обманчиво. Сложности начинаются с самых первых вопросов, и главный из них ставит в тупик: что же такое королевский двор? И конкретно что следует считать королевским двором в XIII-XV вв.? Если исходить из наиболее общего и потому нейтрального определения – «двор – это группа людей, окружающих государя»¹, то для ранних этапов монархии ответить на такой вопрос проще, чем для периода усиления королевской власти и возникновения институтов государственного управления, выделившихся из королевской курии. Кто же олицетворял королевский двор в классическое и позднее Средневековье – личные службы короля, следовавшие за ним, или органы его власти, осевшие в столице королевства, в Париже, в старом королевском дворце на острове Сите? Принципи-

Сусанна Карленовна Цатурова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН.

¹ Именно такое определение дал «двору» Б. Гене, заострив внимание на сложностях в четкой идентификации этого института в Средние века. См.: *Guenée B. Cour // Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval. P., 1999. P. 246.*

альный вопрос, ответ на который приближает к пониманию природы и места монаршего двора в функционировании политического общества.

Трудности в изучении французского королевского двора добавляет историографическая традиция. Во Франции политическая история возникла в XIX в., можно сказать, как оппозиция прежним описаниям придворных интриг и жизни монаршего двора и сосредоточилась на «силах будущего» – на институтах рождающегося государства¹. История государства стала доминирующей парадигмой французской национальной школы, и в ней двор короля естественным образом оказался оттеснен на обочину. Отмечая характерные для историографии «клише о дворе как сугубо консервативном и скандальном институте» в противовес «институтам, воплощавшим будущее европейской истории», Н.А. Хачатурян, создавшая школу «новой политической истории» в отечественной историографии, прозорливо подметила здесь влияние буржуазных революций XIX в.² Это замечание согласуется с наблюдениями Н. Элиаса, предложившего в 1930-е годы кардинально обновленный план изучения королевского двора. «С точки зрения господствующей шкалы политических и общественных ценностей нашего времени значение придворного общества не очень высоко и рыночная ценность его невелика», – отмечал он, констатируя игнорирование историками этой тематики. И далее Элиас прямо выводит эту «шкалу ценностей» из «враждебного отношения буржуазии к королевскому двору», мешающего изучать его «без раздражения и неприязни»³. Книгу Н. Элиаса не случайно перевели во Франции довольно поздно, но и это не помогло преодолеть глубокого «демократического» предубеждения в отношении монаршего двора⁴. Более того, к середине XX в. этот «либеральный» настрой выразился в

¹ Подробный анализ историографии французского монархического государства см.: *Guenée B. L'histoire de l'État en France à la fin du Moyen âge vue par les historiens français depuis cent ans // Revue historique. 1964. Т. 232. N 1012. P. 331-360.*

² *Хачатурян Н.А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып. 1. М.; СПб., 2001. С. 12.*

³ *Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002. С. 42, 52.*

⁴ Сами французские историки констатируют слабость интереса исследователей к королевскому двору даже в нынешней ситуации «возвращения политической истории», вдохновленного школой Б. Гене. Политическая история по-прежнему остается маргинальной сферой (не больше 10% от общего числа работ). См.: *Autrand Fr., Barthélemy D., Contamine Ph. L'espace français: histoire politique du début du XIe à la fin du XVe siècle // L'Histoire médiévale en France. Bilan et perspectives. P., 1991. P. 108-109; Gauvard Cl. Le rituel, objet d'histoire // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen âge en France et en Allemagne: Actes du colloque de Sèvre (1997) et Göttingen (1998). P., 2002. P. 274.*

противопоставлении государства и общества, которое О.Г. Эккле даже назвал особой «культурой французской исторической науки»¹. Поразительно, что при доминанте социальной истории в современной французской историографии не нашлось места хотя бы придворному обществу позднего Средневековья². Новаторские подходы немецкой исторической школы к изучению средневековых корпораций и социальных институций также игнорируются во Франции, поскольку корпорации и сообщества воспринимаются как нечто навязанное извне, преимущественно властью в целях поддержания господства. В итоге, изучение королевского двора позднего Средневековья остается «мертвым пространством», и робкие попытки исследовать это «место власти» вдохновляются лишь археологическими раскопками или реставрационными работами, например, Венсеннского замка³.

В отечественной историографии можно наблюдать схожую предысторию: те же неприятие или игнорирование монаршего двора, недооценка его роли в функционировании политической системы и уничижительный образ «придворной камарильи»⁴. Тем более впечатляющим предстает выбор в конце 1990-х гг. темы – двор монарха – в качестве большого исследовательского проекта под руководством Н.А. Хачатурян и на базе Исторического факультета МГУ как стратегии обновления домена политической истории Средневековья в целом. Пришло время признать этот выбор оправдавшим ожидания. Не только несколько больших конференций, коллективных и индивидуальных монографий стали его итогом, но главным образом – легитимация казавшейся прежде элитарной, мелко-темной или экстравагантной проблематики двора как структурообразующего звена социально-политической и интеллектуально-культурной истории Средних веков⁵. Наиболее сложной и наименее изученной оста-

¹ *Oexle O.G.* Les tendances actuelles de la recherche médiévale française vues d'Allemagne // *Les Tendances actuelles...* P. 425.

² Б. Гене признавал необходимость детальных просопографических исследований сети кланов и клиентел принцев крови и знати при королевском дворе, что помогло бы измерить степень их влияния на функционирование «государственной машины» (*Guenée B.* *Cour*. P. 255). Пожалуй, единственное известное мне специальное исследование такого рода – так называемый Двор любви Карла VI, изучение которого велось несколько лет под руководством К. Боццоло (*La cour amoureuse, dite de Charles VI (statuts et armoriaux.* P., 1982).

³ *Moeglin J.-M.* Les recherches françaises sur les cours et les résidences au bas Moyen Age // *Les Tendances actuelles...* P. 356-362.

⁴ См. подробнее: *Хачатурян Н.А.* Запретный плод... (особенно С. 7-11).

⁵ Двор монарха в средневековой Европе; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004; Священное тело короля. Ритуалы и морфология власти. М., 2006; Искусство власти. Сб. в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб., 2007; Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008; Им-

ется собственно организационная, институциональная история французского королевского двора, тем более на фоне интенсивного изучения придворных церемоний и ритуалов, политических идей и представлений о дворе в современной медиевистике.

Главным препятствием здесь служит слабая и фрагментарная источниковая база, которой располагает сегодня исследователь. О структуре и функционировании служб двора призваны свидетельствовать королевские указы (регламенты) и счета. И здесь исследователя ждет разочарование, хотя вполне предсказуемое, учитывая историографическую традицию. По сути, придворные регламенты во Франции до сих пор не изданы; лишь недавно появилась исследовательница – Э. Лалу, которая ищет в разных архивах и изучает ордонансы о дворе королей Франции XIII-XIV вв.¹ В минимальной степени эту лакуну способен восполнить гигантский архив Парижского парламента: хотя он сохранился лучше прочих архивов французской монархии, в его серии ордонансов, а это 242 регистра указов с начала XIV в. до 1785 г., придворных регламентов почти нет, поскольку сюда направлялись для регистрации и оглашения указы, важные с точки зрения управления и «общего интереса». Лишь в той мере, в какой верховное судебное ведомство было органичной частью королевского двора, это собрание содержит ряд ценных сведений. Что касается счетов, то здесь ситуация еще хуже: архив Палаты счетов сгорел почти целиком в 1737 г., и исследователи по крупницам, по разрозненным копиям восстанавливают эту досадную лакуну². С остальными ведомствами, так или иначе соотносимыми с королевским двором, по-

перии и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011; Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011; Королевский двор в Англии XV-XVII веков. СПб., 2011; *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008; *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

¹ *Lalou É.* Chancellerie et Hôtel à l'époque de Philippe le Bel // *Écrits et pouvoir dans les chancelleries médiévales: espace français, espace anglais: Actes du colloque intern. de Montréal, 7-9 sept. 1995.* Louvain, La Neuve, 1997. P. 13-24; *Idem.* Le fonctionnement de l'Hôtel du Roi du milieu du XIIIe au milieu du XVe siècle // *Vincennes aux origines de l'État moderne: Actes du colloque scientifique sur «Les Capétiens et Vincennes au Moyen âge».* P., 1996. P. 145-155. Надо заметить, что значительная их часть находится в Отделе рукописей Национальной библиотеки Франции, то есть является копиями, снятыми эрудитами в XVI-XVIII вв. Кстати, фактом издания придворных ордонансов герцогов Бургундских можно объяснить всплеск интереса к институциональной истории именно этого двора, в том числе и в отечественной медиевистике. См.: например: *Носова Е.И.* Бургундский двор XV века: структура, организация, социальный состав. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

² О судьбе архива Палаты счетов см.: *Petit J. et al.* Essai de restitutions des plus anciens mémoires de la chambre des Comptes de Paris. P., 1899; *Nortier M.* Le sort des archives dispersées de la Chambre des comptes de Paris // *Bibliothèque de l'École des chartes.* 1965. T. 123. P. 487-537.

ложение выглядит почти безнадежным. Архив Королевского совета для XIII-XV вв. не сохранился: частые переезды, нерегулярное ведение протоколов заседаний привели к тому, что до XVI в. мы располагаем лишь отдельными листками и разрозненными протоколами, хранившимися в домашних собраниях у секретарей¹. Архив Палаты прошений Дома короля (*Requêtes de l'Hôtel*) начинается с 1573 г., для более раннего периода кое-что можно найти только в Сокровищнице хартий и в том же архиве Парламента. Архив суда коннетабля Франции (так называемый суд Мраморного стола) был уничтожен пожаром в 1618 г., тогда же по неясной причине исчезли и все старые регистры (остались только с 1527 г.). В архиве ведомства вод и лесов самый старый документ датирован серединой XVI в. В Налоговой палате из-за небрежности секретарей было много лакун, но и этот архив погиб в пожаре 1776 г.²

В этой сложной ситуации анализ института французского двора в классическое и позднее Средневековье вынужден свестись к общей характеристике его структуры в развитии, к основным вехам его трансформации под влиянием складывающегося государственного аппарата.

Начать стоит с терминологического анализа, который сразу же погружает нас в сердцевину проблемы. Итак, что же такое королевский двор применительно к XIII-XV вв.? На первый взгляд, в этом вопросе все ясно: некогда единая структура королевского двора постепенно разделяется на частные (Дом) и публичные (Дворец) службы короны Франции. Однако подобная простая схема таит в себе опасность упрощения. «Всякое политическое образование в Средние века мыслилось как дом, и всякая власть в те времена имела домашний характер»³. Изначально король был окружен домашними слугами, обеспечивавшими его личные нужды и исполнявшими управленческие публичные функции. Это был этап так называемого дворцового правления, и окружение короля с эпохи Каролингов именовалось палатинами (*palatini* от слова *palatium* / дворец). Важно при этом подчеркнуть, что слово «дом» (*domus*) в латинском языке никогда не обозначает здание как таковое, обладая свойствами семейного, социального, морального, а не материального порядка. Производное от него слово «господин» (*dominus*) означало хозяина дома, единственного главы, «кормчего лодки», по св. Иерониму, – отвечающего за

¹ *Valois N.* Étude historique sur le Conseil du Roi. P., 1886. P. 141-142.

² См. подробнее: *Guide des recherches dans les fonds judiciaires.* P., 1958. P. 19, 225, 249, 285.

³ *Дюби Ж.* История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк (987-1460). М., 2000. С. 9.

всю вверенную ему социальную группу (общность)¹. Домашние слуги короля были связаны с его персоной, следуя за ним в перемещениях и образуя группу *famuli* – слуг, живущих под одной крышей². Патримониальный характер власти короля не будет изжит вплоть до конца монархии, и все короли Франции воспринимали растущее королевство как свою личную «сеньорию». Однако уже в исходной ответственности «главы дома» за подчиненную ему группу, будь то семья, клан, род и т.д., заложен был принцип публичности власти³. И чем шире была подчиненная королю группа, тем больший объем властных полномочий ему приходилось осуществлять, что влекло за собой и увеличение числа королевских слуг⁴.

Германский обычай соучастия свободных общинников, а затем дружины в принятии решений воплотился в присутствии вокруг короля его ближайших вассалов и породил в период «сеньориальной революции» такое специфическое явление как двор сеньора/короля. Прямые вассалы короля-сеньора, чей долг обязывал соучаствовать в его совете и суде, собирались для этого в публичном месте дома, как правило – во дворе (*cour*) замка. На этом важном этапе, именуемом сеньорией *banale* (XI-XIII вв.), публичные функции монарха, с одной стороны, сужаются до размеров его сеньории, и *Curia Regis* приобретает облик огороженного приусадебного пространства (*curtis*), а с другой – сами публичные функции получают первые признаки институционального порядка⁵. Новый импульс этой тенденции возникает при Филиппе II Августе, в начале XIII в., когда происходит оформление личных королевских служб в виде института Дома короля (*Hôtel le Roi*) – служб «рта и тела», покоев, капеллы и т.д. Постепенно, а с середины XIII в. при Людовике IX Святом все увереннее тенденция разделения частных и публичных служб

¹ О сложной этимологии слов *domus* и *dominus* см. подробнее: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 199-203.

² Отсюда, кстати, происходит слово *familia*, обозначающее иные, чем кровное родство, связи внутри группы. – См. подробнее: Там же. С. 234.

³ Это тождество двух властей – частной и публичной – справедливо подчеркивает Н.А. Хачатурян, предостерегая от упрощений («Любая политическая власть... выступает как «публичная», реализует общественные функции, которые делегировал ей человеческий коллектив»). – См.: Хачатурян Н.А. Власть и общество... С. 10, 166-167.

⁴ «Власть короля над страной была ничем иным, как продолжением и расширением его власти над домом и двором, а двор при Людовике XIV не что иное, как чрезвычайно разросшийся дом и домохозяйство». – Элиас Н. Указ соч. С. 56-57.

⁵ Об этой этимологии слов *Cour/Curia Regis* см.: Дюби Ж. Указ. соч. С. 153; *Vocabulaire historique du Moyen âge*. P., 1995. P. 60, 62. Э. Бенвенист подчеркивает двойственность значения слова *curia*: одновременно место проведения собраний и крупную социальную группу (Бенвенист Э. Указ. соч. С. 176). О важном значении этапа сеньории *banale* см.: Хачатурян Н.А. Запретный плод... С. 14-15.

набирает обороты: из Королевской курии (*Curia Regis / Cour le Roi*) выделяются сначала финансовые (Палаты счетов в 1320 г.), затем судебные (Парламент в 1345 г.), наконец, при Людовике XI – законодательные и административные (Королевский совет в 1346 г.) функции. Финансовый и судебный органы отделяются от персоны монарха и оседают в Париже во Дворце на острове Сите, а властные полномочия делегируются от государя к его служителям, действующим отныне от его имени.

Так возникают две параллельные структуры – коронных и домашних служб Дома и публичных служб Дворца. С точки зрения эволюции двора этот процесс можно описать как разделение прежде единого окружения короля на тех, кого вассальный долг обязывает находиться при персоне монарха (принцы крови, пэры Франции, прямые вассалы) и на прежних скромных домашних слуг (*domestici*), ставших профессиональными служителями власти с высоким статусом и широкими привилегиями. Эта схема настолько укоренена в литературе, что кажется простой и очевидной.

Однако ее способен поколебать простой вопрос: а где же находился в это время двор короля? Правомерно ли сводить его только лишь к службам «рта и тела»? А если да, то не здесь ли таится причина уничижительного образа двора, ассоциируемого только с расточительными тратами, пышными празднествами и бессмысленными ритуалами? Не является ли анахронизмом отделять судебные, финансовые и административные ведомства от структуры двора короля XIII-XV вв. на том основании, что они получают в дальнейшем развитие в виде исполнительных органов государства Нового времени? И мог ли король Франции, даже делегировав часть своих полномочий профессиональным служителям, полностью лишиться себя этих властных функций?

Генетическая нерасчлененность двух властей становится источником конфликтов структур Дома и Дворца и одновременно мощным двигателем развития королевской власти в XIII-XV вв.¹ Вернемся в этой связи снова к терминологии. Обратим внимание – служители Парламента, Палаты счетов и других учреждений именовались «слугами короля», «людьми короля» и, главное, советниками, подчеркивая тем самым генеалогию

¹ В трудах социолога П. Бурдьё этот аспект природы власти в Средние века получил глубокое осмысление: имея в истоке «отцовскую власть», монархическое государство «покоится на личных и аффективных связях (верность, любовь, доверие)», что в свою очередь устанавливает нерасторжимую связь личного/частного и публичного в отправлениях власти. – Бурдьё П. От королевского дома к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: СПб., 2007. С. 258-259, 274-275.

с вассальной службой и с участием в Королевском совете. Параллельно с усилением публично-правового характера службы чиновников сами они странным образом подчеркивают личные, аффективные связи с монархом, позиционируя себя как «часть тела короля», «образ королевского величия», «представляющих без посредников его персону» и т.д.¹ Само же слово «двор» (*cour*) именно в этот период приобретает новое, прочно закрепившееся с тех пор в языке значение – «суд», поскольку судебная функция верховной власти являлась главной общественной миссией монарха². И если прежде на регулярных заседаниях Совета вассалов король отправлял правосудие («суд равных»)³, то теперь эти функции делегировались специализированным ведомствам – Парламенту, Палате счетов, затем Налоговой палате и т.д. При этом самой престижной номинацией оказывалось слово «Двор» (*cour/curia*)⁴. Вначале в названии ведомств сохранялась отсылка к этой авторитетной генеалогии: Парламент именовался *Curia in Parlamento*, Палата счетов – *Curia in comptis*, Королевский совет – *Curia in consilio*. Но затем только Парламент сохранил эту престижную номинацию: он единственный в дальнейшем именовался «Двором Парламента», нередко собственно «двором» («наш парижский Двор», «Двор Франции»)⁵.

Но сохранилась ли сама Королевская курия после отделения от нее Парламента, Палаты счетов, а в конце XV в. и Большого совета (с судебными функциями)? Можно ли ограничивать ее частными службами Дома (*Hôtel*) короля, даже учитывая факт исполнения его служителями важных миссий и поручений монарха публичного или управленческо-

¹ Об этом см. в частности: *Цатурова С.К.* Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002. С. 190-192; *Она же.* Король Франции и его чиновники (Своеобразие реализации принципа абсолютной власти *Quod principi placuit*) // ФЕ 2005. М., 2005. С. 132.

² О значении судебной власти как рычага усиления монархического государства см.: *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. С. 26-27. В.Н. Малов даже ввел термин «судебная монархия», определяя специфику первого этапа становления государства. См.: *Малов В.Н.* Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 10. О значении судебной функции в статусе королевских чиновников см.: *Цатурова С.К.* Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV-XV вв. // Священное тело короля. С. 78-95.

³ Отсюда нерасчлененность, смешение понятий *curia, consilium, conventus*. См.: *Ducoudray G.* Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1902. P. 26.

⁴ См. подробнее: *Цатурова С.К.* Номинация ведомств и служб как стратегия формирования суверенитета королевской власти во Франции XIII-XV веков // Империи и этнонациональные государства... С. 308-337.

⁵ *Curia Parlamenti/Cour de Parlement; Curia franciae Domini Regis; nostrae Curiae Parisiis; Cour de France* (Archives Nationales de France (далее – AN) U 508. F. 33; *Ordonnances des rois de France de la troisième race.* 22 vols. P., 1723-1849. (далее – ORF) T. 1. P. 675, T. 2. P. 225, 450-456, T. 12. P. 367.

го характера? Ведь по своей природе Королевская курия олицетворяла именно публичные функции короны. Думается, что ответ на эти вопросы способен дать анализ трансформации публичных ведомств короны Франции, выросших из домашних служб дворцового управления.

При отмечавшейся уже неизученности истории королевского двора XIII-XV вв. исследователи уверенно предполагали, что сама Королевская курия не исчезла даже после отделения от нее Палаты счетов и Парламента, но не имела четкой организационной структуры, что мешает разглядеть ее деятельность¹: состав Двора формально определялся волей монарха и отражал расстановку политических сил на данный момент². И тем не менее процесс «бюрократизации» властных функций затронул и традиционные службы дворцового управления. Но самое существенное и характерное в этом процессе – тенденция к смешению, переплетению частных и публичных функций, служб Дома и Дворца.

К началу XIV в. произошло значимое разделение прежде единых придворных служб на две группы: на коронных чинов «рта и тела» – во главе с главным распорядителем Двора в их число входили хлебодар, виночерпий, кравчий, шталмейстер, обер-камергер, гардеробмейстер и т.д., – и на шесть служб Дома короля – исповедника, раздатчика милостыни, капеллу, мэтров Прошений, Денежную палату и Канцелярию³.

Среди шести служб Дома короля на первое место выдвигается должность канцлера, в то время как иные службы периода дворцового правления уходят на второй план или вовсе исчезают⁴. Именно он становится во главе «гражданской администрации», отделившись от служб капеллы. «Уста и уши короля», призванный хранить его интересы и представлять его персону, канцлер председательствовал на Королевском совете в отсутствие монарха, выступал от его имени на собраниях Штатов, доносил его волю до Парламента и Палаты счетов и был посредником между ними и государем⁵. Политический вес службы канцлера усилился в связи с

¹ Уже Ж. Виар обращал внимание исследователей на сохранение Курии короля отдельно от Дома, правда, ограничив его первой половиной XIV в., т.е. сведя к краткому «инерционному» функционированию. См.: *Viard J. La Cour (Curia) au commencement du XIVe siècle // Bibliothèque de l'École des chartes. 1916. Т. 77. P. 77-87.*

² *Descimon R., Guéry A., Le Goff J. La longue durée de l'État. P., 2000. P. 118-119.*

³ *Lalou É. Chancellerie et Hôtel... P. 17.*

⁴ Об эволюции коронных чинов – сенешаля, виночерпия, камергера, коннетабля и др. см. подробнее: *Стукалова Т.Ю. Введение в средневековую французскую архонтологию. М., 2001: Властные институты и должности в Европе... С. 44-75.*

⁵ Жувеналь дез Юрсен с гордостью напоминал брату, назначенному канцлером в 1445 г., что тот становится «первым и главным из советников короля», возводя его службу таким образом к сеньориальному двору. – *Juvénal des Ursins J. Écrits politiques. 2 vols. P., 1978, 1985. Т. 1. P. 445.* Об этом же говорится в трактате XVII в. о службе канцлера: « Il est le plus

функцией хранителя королевской печати, что давало в его руки контроль над законодательной сферой. В его полномочиях наиболее отчетливо проступает генетическая взаимосвязь частных и публичных служб.

Будучи наместником короля и доверенным исполнителем его воли, канцлер в то же время обязан был обладать юридическими познаниями и опытом в правотворчестве, а функция «хранить интересы короля» при расширительном толковании последних ставила его в сложную ситуацию, когда ему приходилось через подачу ремонстраций оспаривать королевскую волю¹. Статус канцлера как медиатора служб Дома и Дворца нашел отражение в структуре его оплаты. По аналогии с главами «публичных» ведомств он с начала XIV в. получал фиксированное жалование в 2 тысячи ливров в год. Кроме того, он получал также дополнительное вознаграждение от работы других ведомств: от Канцелярии по 7 су 6 денье за день, по 10 су с каждого письма, запечатанного здесь зеленым воском, и по 20 су за участие в работе парламента. В знак принадлежности к королевскому окружению канцлер получал от короля мантию (ливрейное одеяние) четыре раза в год – на Пасху, Троицу, День Всех Святых и Рождество – и несколько лошадей или их денежный эквивалент. Наконец, как символ причастности к кругу «сотрапезников (*commanseaux*) короля» – по древнему обычаю для придворных слуг – он обеспечивался едой и вином из королевских запасов, а также имел право на личные покои во Дворце в Сите².

Усиление королевской власти и расширение ее прерогатив в сфере законодательства способствовали повышению статуса придворных писцов, составлявших акты и скреплявших их печатью. В стремительно растущей Канцелярии связь Дома и Дворца получила институциональное воплощение. Служба составителей актов – королевских нотариусов – разделилась на тех, кто служил непосредственно монарху в составе Дома и в подчинении канцлера, и на тех, кто служил в ведомствах, отделившихся от Курии, – в Парламенте, Палате счетов и т.д. В свою очередь, служба печати также дробится: канцлер владеет большой королевской печатью, которой скрепляет акты публичного характера (так называемые

proches et intime conseiller du Roy possédant son coeur et son oreille ». – Bibliothèque Nationale de France (далее – BNF). Clairambault. 823. F. 8.

¹ Двойственность положения канцлера становилась особенно видна в периоды кризисов власти. См.: Цатурова С.К. Офицеры власти. С. 145-148.

² Viard J. Gages des officiers royaux vers 1329 // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51. P. 264; Morel O. La grande chancellerie et l'expéditions des lettres royaux de l'avènement de Philippe de Valois à la fin du XIVe siècle (1328-1400). P., 1900. P. 541; BNF. Clairambault. 823. F. 22-23.

открытые письма – *lettres patentes*); личные письма короля (так называемые закрытые письма – *lettres closes*) скрепляются секретной печатью (*sceau de secret*), которой владеет королевский камергер, в связи с чем возникает особая канцелярия секретной печати; наконец, в 1337 г. появляется малая печать короля (печатка со львом – *signet du Roi, de lion*). К началу XV в. в Парламенте создается собственная, малая канцелярия, конкурирующая с королевской, именуемой с этих пор Большой канцелярией¹. Усложнение структуры Канцелярии фиксируется достаточно рано: уже в ордонансе 1291 г. упоминаются те, кто следует за королем, те, кто остается в Париже и закреплен за верховными ведомствами (Парламентом, Палатой счетов и т.д.), и те, кто числится при канцлере. Соответственно сложилась иерархия должностей по степени близости к эпицентру власти – к монарху: были простые клерки-писцы, были клерки-нотариусы и, выше всех, нотариусы-секретари, допущенные к секретной печати короля. Кроме того, в Канцелярии имелись должности клерка и контролера, а также растопителей воска (*chauffe-cire*), ставивших печать на указах и взимавших за это плату в королевскую казну².

Служители Канцелярии, находясь в ближайшем окружении короля и будучи посвященными в процесс принятия решений, как и в секреты власти, являлись доверенными лицами монарха. В силу этого, как и высокой их образованности, король поручал им различные дипломатические и политические миссии, так что в самой Канцелярии они служили поочередно, что увеличивало ее реальную численность, как минимум, вдвое³. Несмотря на растущий объем исполняемых ими публичных функций, служители Канцелярии позиционировались как ближнее окружение короля, тесно связанное с его персоной. Они получали ливрейное одеяние и оплачивались в Денежной палате Дома короля, а не через Казначейство, как другие «публичные» ведомства⁴. Эта особая близость нашла отражение в уставе братства четырех святых Евангелистов, объединявшем клерков и нотариусов канцелярии, – в предписании служить отдельные мессы «за короля нашего сеньора, за королевскую династию», «за спасение души предков

¹ Guillot O., Rigaudière A., Sassier Y. Pouvoir et institutions dans la France médiévale. 2 vols. P., 1994. T. 2. P. 150; Lot F et Fawtier R. Histoire des institutions françaises au moyen âge. 3 vols. P. 1957-1962. T. 2. P. 401-403; 418; Dalas-Garrigues M. Origine et naissance des sceaux du Parlement // Bibliothèque de l'École des chartes. 1988. T. 146. P. 163-170.

² Bautier R.-H. Le personnel de la chancellerie royale sous les derniers Capétiens // Prosopographie et genèse de l'État moderne : Actes de la table ronde organisée par le CNRS et ENS de jeune fille, Paris, 22-23 octobre 1984. P., 1986. P. 92-93, 114.

³ См. регулярные указы о сокращении численности Канцелярии: ORF. T. 2. P. 175; T. 3. P. 387, 532-534; T. 5. P. 370; T. 6. P. 605.

⁴ Lalou É. Chancellerie... P. 19.

и потомков королей Франции»¹. Этой же принадлежностью к «ближнему кругу» короля объясняются щедрые привилегии служителей канцелярии. Они первыми получили право на статус дворян по службе (после 20-летнего стажа), как и на передачу должностей по наследству, не говоря уже о множестве налоговых, судебных и правовых льгот².

История Денежной палаты (*Chambre aux deniers*) Дома короля весьма запутана и до сих пор слабо изучена. Исследователи путали ее с палатой счетов, так что «клубок» финансовых ведомств предстоит еще распутать³. Денежная палата распоряжалась финансами Дома короля, и уже к 1250 г. была вполне оформлена: в ее компетенцию входили доходы и расходы всех личных служб короля («касса Дома короля»). Однако она находилась в тесной связи с Палатой счетов и Казначейством. Сама королевская казна изначально была в ведении казначея (*chambrier*) и со времен Филиппа II Августа находилась в неприступном замке Тампль под контролем опытных и надежных тамплиеров. При Филиппе IV Красивом казна была перевезена сначала в Лувр (1295 г.), а затем в королевский Дворец в Сите. Если до этой даты служители Палаты счетов и Денежной палаты периодически собирались вместе в Тампле, то теперь финансовые службы разделились на тех, кто контролирует счета (Палата счетов), и на тех, кто хранит королевскую казну (Денежная палата). Но переплетение компетенций «придворного» и «государственного» ведомств сохранилось: в обеих палатах работали одни и те же люди, переход из Денежной палаты в Палату счетов был престижным карьерным ростом; оплата королевских комиссаров как доверенных лиц короля долгое время относилась к ведению Денежной палаты; наконец, мэтры Палаты счетов имели право даже спать в помещении Денежной палаты, когда прибывали ко двору короля. При малочисленности персонала и неопределенности компетенции Денежной палаты, важно, что сами деньги корона оставила за службой Дома, не передав их ведомствам Дворца.

Однако функции Денежной палаты переплетались и с компетенцией

¹ ORF. T. 4. P. 554. Подтверждая устав коллегии, Людовик XI в июле 1465 г. причислил служителей Канцелярии к «Дому Франции» (*Maison de France*). ORF. T. 16. P. 335-336.

² AN. Grande Chancellerie et Conseil. Répertoire numérique de la Série V. T. 1. Par E. Campardon, J.P. Brunterc'h et Fr. Hildesheimer avec le concours de G. Jubert. P., 2000. P. 46-47.

³ Эта путаница идет от первого же исследования финансовых ведомств – *Borrel de Serres L. Recherches sur divers services publics du XIII au XVII siècle*. 3 vols. P., 1895-1909. Доверившись ему, А. Жасмен сконцентрировался на исследовании палаты счетов в XV в., упустив истоки института. См. об этом подробнее: *Lalou É. La Chambre des comptes de Paris : sa mise en place et son fonctionnement (fin XIIIe-XIVe siècle) // La France des principautés. Les Chambres des comptes XIVe et XVe siècles : Actes du colloque tenu les 6, 7 et 8 avril 1995*. P., 1996. P. 3.

Казначейства из структуры Дворца: здесь два казначея хранили казну и следили за выдачей денег, но не вмешивались в сами статьи расходов. Правда, ведомство периодически упразднялось, его функции в сфере охраны домена передавались Палате счетов, а в сфере судебных споров – парламенту¹. При всей скромности его численности и неустойчивости компетенции, ведомство казны, будучи генетически связано со службами Дома короля, не выходило и в дальнейшем из его орбиты².

Наконец, палата прошений Дома короля (*Chambre des requêtes de l'Hôtel*) в силу своей судебной компетенции оказалась связующим звеном между «придворными» и «государственными» институтами. В истоке службы «мэтров прошений» находились те самые специалисты-правоведы, которые давно и прочно обосновались в окружении королей Франции. При Людовике IX Святом они образуют сплоченную группу, помогая королю в отправлении королевского правосудия. Именуемые «свитскими короля», они следовали за ним и принимали обращенные к монарху жалобы и прошения. Часть их они решали самостоятельно (поэтому их именовали иногда «судьями у ворот», т.е. у входа в королевские резиденции), а наиболее важные дела докладывали и передавали для решения королю. Когда в 1278 г. была создана аналогичная Палата прошений Дворца (*Chambre des requêtes du Palais*), по сути, при Парламенте, начинается период столкновения двух ведомств в борьбе за монополию. Непререкаемый авторитет парламента, тем не менее, не «задавил» эту очень значимую в структуре служб Дома палату, вершившую так называемое удержанное правосудие короля, а также защищавшую интересы привилегированных лиц, находящихся под особой королевской защитой (*committimus*).

Как у всякого сеньора, чеканящего свою монету, в структуре служб Дома короля находились и те, кто контролировал эту важную сферу. Уже с 1216 г. их именуют «генералами-мэтрами монет», а в 1348 г. была создана монетная палата с судебными полномочиями, хотя прежде такие споры решались в Королевской курии, а затем – в палате счетов³.

¹ ORF. Т. 1. Р. 658-659; Т. 3. Р. 387, 523. С 1390 г. существовала отдельно *Chambre du Trésor* с судебными полномочиями по домениальным спорам; затем ее упразднили и восстановили в 1404 г.; новое упразднение произошло при англо-бургиньонах и новое восстановление – в 1438 г. 6 июля 1462 г. Людовик XI снова ее упразднил (ORF. Т. 9. Р. 698; Т. 15. Р. 492-493).

² Указом от февраля 1379 г. помимо трех казначеев туда были назначены еще четыре советника по личному выбору короля и из состава Королевского совета; отныне без их санкции казначеи не имели права провести ни одной выплаты (ORF. Т. 6. Р. 380-381).

³ *Guillot O., Rigaudière A., Sassié Y. Pouvoir et institutions...* Т. 2. Р. 223. См. указы о Монетной палате: ORF. Т. 3. Р. 693; Т. 4. Р. 151-152, 505-506; Т. 6. Р. 15-18.

К традиционным домениальным службам относилось и ведомство вод и лесов, особенно учитывая тот факт, что большинство королей Франции из династии Капетингов были заядлыми охотниками, а посему крайне заинтересованы в их хорошем состоянии. Но королевские леса и воды несли и «публичную» нагрузку, давая немалый доход казне: от продажи леса для строительства и обогрева, от прав на выпас, на собирание желудей и т.д. В силу этого «ревизоры вод и лесов» также имели двойное подчинение. В состав служб Дома короля входил главный егермейстер (*maître de la Vennérie*), а подчиненные ему мэтры вод и лесов, назначаемые, кстати, Королевским советом, подчинялись Палате счетов (право апелляции на их решения)¹. Это двойное подчинение – коронному чину и Палате счетов – вновь зримо соединило службы Дома и Дворца. Так, по указу от 1389 г. во главе ведомства назначается кузен короля сир де Шатильон, наделенный правом контроля над королевскими заповедниками; 7 января 1401 г. эту должность получил вновь родственник короля – граф де Танкарвиль, именуемый «сувереном, мэтром и генералом-реформатором вод и лесов». И в дальнейшем эту должность замещали люди высокого социального статуса, как правило, из знати и ближайшего окружения короля².

Итак, можно уверенно констатировать тенденцию переплетения служб Дома и Дворца, причем процесс «бюрократизации» властных функций короны и институционального оформления ведомств не препятствовал сохранению и укреплению этих связей. Но пока речь шла о коронных чинах и службах Дома, так что эта тенденция выглядит не слишком неожиданной. А как обстояли дела с теми ведомствами, на которые распалась некогда единая Королевская курия и которые однозначно рассматриваются как публично-правовые органы, предки государственных учреждений Нового времени? Освободились ли они от королевского окружения и в какой мере их следует считать автономными до Двора?

Начнем с Парламента, гордо именуемого «главной и суверенной курией королевства». Растянутый во времени на всю вторую половину XIII в. процесс институционального выделения «Курии в Парламенте» в самостоятельное ведомство не упразднил, тем не менее его связь с ко-

¹ Les eaux et forêts du XIIe au XXe siècle. P., 1990. P. 51-53. В указе от 27 января 1360 г. о службах Дома мэтры вод и лесов фигурируют как автономные; два указа – от 22 августа 1375 г. и сентября 1376 г. – знаменовали учреждение отдельного ведомства (ORF. T. 6. P. 141-142, 222-237).

² ORF. T. 7. P. 175. Список суверенных мэтров королевских вод и лесов см.: Les eaux et forêts... P. 57-58.

ролевским окружением. Ее символически воплощали двенадцать пэров Франции, по статусу входивших в состав Парламента, а также – на первых порах, до введения должности первого президента, главы судебного ведомства. Первый же указ, фиксирующий численность верховного суда королевства, оговаривает председательство в нем знати из окружения короля: в 1302 г. это были герцог Бургундский, коннетабль де Сен-Поль, архиепископ Нарбоннский, епископ Парижский и Теруаннский¹. На фоне вытеснения из состава Парламента «посторонних лиц» – высшего духовенства, бальи и сенешалей, всех, «кто не знает законов» – обращает на себя внимание недвусмысленное намерение короны сохранить связь верховной судебной палаты с двором короля. И пусть обязательное председательство прелатов и баронов, делегированных из состава Королевского совета, сменилось их правом просто присутствовать на заседаниях суда, сама мотивировка – «для поддержания авторитета» Парламента – красноречиво свидетельствует, что центром власти оставался двор короля². Хотя в дальнейшем главами Парламента стали профессионалы из состава ведомства, избираемые по иным критериям, сохранение пэров в составе верховного суда апеллировало к традиционной Королевской курии, где дела знати рассматривались «судом равных». Показательно, что этот старый сеньориальный обычай получил законодательное закрепление в середине XV в., когда Парламент, казалось бы, имел статус профессионального и автономного от двора судебного ведомства³.

Ливрейное одеяние (или его денежный эквивалент), которое ежегодно получали в виде привилегии высшие чины Парламента, также призвано было продемонстрировать эту престижную связь с монархом⁴. В этот же контекст вписывается право канцлера председательствовать в Парламенте и решать возникающие внутри ведомства споры. Не стоит забывать и о секретарях верховного суда, которые числились за Канцелярией, то есть за службами Дома короля.

¹ ORF. Т. 12. Р. 354. Здесь сказалась еще традиция обязательного сочетания церковной и светской знати. То же – в составе пэров Франции: их должно было быть по шесть духовных и светских лиц; хотя конкретный набор пэров менялся в связи с изменениями статуса этих владений короны. См.: Цатурова С.К. Офицеры власти. С. 26.

² «qui tieignent le honneur du Siege» – См. указы от 7 января 1278, 1302, 3 декабря 1319 и 11 марта 1345 г. – ORF. Т. 1. Р. 702; Т. 2. Р. 224, 461; Т. 11. Р. 335.

³ По указу Людовика XI от 13 октября 1463 г. парламент назван «судом пэров» (*la court des pers*), и все судебные дела пэров Франции передавались в его юрисдикцию. – ORF. Т. 16. Р. 87-88.

⁴ Как замечал Г. Дюкудрей, король кормил (оплачивал из казны) и одевал (раздача мантий и плащей четырежды в год) служителей Парламента как членов его двора. – *Ducoudray G.* Op. cit. Р. 173-175.

Аналогичную картину показывает и эволюция Палаты счетов. Она первой оформилась в автономное от Курии ведомство ввиду прямой зависимости успехов королевской власти от правильного содержания казны, регулярного ее пополнения и проверки законности трат, что требовало забот профессионалов. Поэтому уже в 1260-1270-х гг. происходит удаление из этой сферы сеньориального элемента. Однако главами Палаты счетов, как и в Парламенте, долгое время являлись знатные персоны из королевского окружения, как правило лица духовного звания (епископы Терруана, Парижа, Байе и др.)¹. Даже в конце XIV в. во главе Палаты счетов стояло духовное лицо из окружения короля – епископ Теруаннский, а в начале XV в. появляется должность второго президента, и им вновь становится придворный чин – главный хранитель королевских погребов (*grand bouteiller de France*), и он будет оставаться на этой должности вплоть до ее ликвидации².

Связь между Палатой счетов и службами Дома короля поддерживалась и клерками-секретарями, числившимися формально за Канцелярией: так, выдающийся королевский нотариус и секретарь Жерар де Монтегю, хранитель Сокровищницы хартий, был одновременно и секретарем в Палате счетов³. Кстати, пергамен для ведения документации в Палате счетов выдавал казначей королевской капеллы Дворца в Сите. Генетическую связь Палаты счетов с королевским двором выражали и особые привилегии ее служителей. Они получали определенные участки в королевских лесах, откуда брали дрова для обогрева своих личных домов; в 1330 г. эта привилегия была зафиксирована, им полагалось определенное число поленьев дров, а с 1380 г. – их денежный эквивалент⁴. Кроме того, от тех времен, когда служители счетов следовали за кочующим королевским двором, сохранилась привилегия – оплата содержания их лошадей за счет короля⁵.

¹ Эту ситуацию закрепил указ об институциональном оформлении палаты счетов, от февраля 1320 г. Тогда это были прелат – епископ Нуайона – и барон – сеньор де Сюлли. – *Les Chambres des comptes en France aux XIVe et XVe siècles*. P., 1998. P. 2-3, 9-11.

² ORF. Т. 6. P. 604-605 (указ от 13 июля 1381 г.), Т. 9. P. 286 (указ от 8 июля 1382 г.); в указе от 7 января 1408 г. сказано, что он «по праву своей службы должен находиться здесь» (Т. 12. P. 124-125). Это связано с трансформацией данной старейшей службы королевского Дома, получившей и публичные функции – контроль над сбором налога с продажи вина.

³ ORF. Т. 7. P. 236-239. О Жераре де Монтегю см. подробнее: *Guyotjeamin O. Un archiviste du XIVe siècle. Entre érudition et service du prince : les « notabilia » de Gérard de Montaigu // Histoire des archives. Recueil d'articles offerts à Lucie Favier par ses collègues et amis*. P., 1997. P. 299-316.

⁴ Президенты и мэтры счетов получали по арпану леса, клерки и секретари – по поларпана; затем, соответственно, « douze quarterons de moule de buches » и « six quarterons de moules de buches ». – AN U 540. F. 476-477.

⁵ На День Всех Святых мэтры счетов получали за содержание трех лошадей, клерки – за двух лошадей. – *Jassemijn H. La chambre des comptes de Paris au XVe siècle*. P., 1933. P. 70.

Даже в возникшем намного позднее налоговом ведомстве, по своей природе не имевшем генетической связи со службами Дома короля, уверенно проступает та же тенденция, явно ввиду растущей значимости для короны этой статьи доходов. Истоком ведомства была инициатива депутатов Штатов в декабре 1355 г. установить контроль над сбором и раскладкой налога на войну, однако вскоре избранные депутатами трех палат «генералы-суперинтенданты» перешли под власть короля, причем причислялись к службам королевского Дома¹. Внутри Налоговой палаты затем оформился особый налоговый суд, периодически упразднявшийся, а его судебная компетенция, что знаменательно, передавалась в Палату прошений Дома короля². Наконец, фигура главы Налоговой палаты также свидетельствует об этой же тенденции: это, как правило, был человек из окружения короля – член Королевского совета архиепископ Безансонский, а в 1408 г. – епископ Лиможский³.

Наконец, сохранился Королевский совет – собственно Курия (Двор короля), именуемый в зависимости от состава и повестки Большим, Узким или Тайным советом. Король и его Совет по-прежнему обладали всеми властными полномочиями в сфере законодательства, в управлении, в суде и финансах. Неслучайно наиболее радикальные проекты реформ, выдвигавшиеся на Штатах в 1356-1358 и 1484 гг., имели целью поставить под контроль депутатов именно королевский Совет, а не выделившиеся из Курии Парламент и Палату счетов⁴. Состав и деятельность Королевского совета всегда оставались в полной власти монарха: членство в нем определялось единоличной волей короля, так что можно говорить, скорее, о чине советника, который со временем сделался почетным титулом, чем о четкой структуре этого важнейшего органа королевской власти. Будучи воплощением сеньориального принципа, Совет при короле Франции был аморфным учреждением, в который входили «советники по рождению» – принцы крови, по статусу – светская и духовная знать, а также приглашен-

¹ ORF. Т. 3. P. 19-37; 392 (ордонанс от 28 декабря 1355 г. и указ от 27 января 1360 г.).

² См. указ Людовика XI от 4 мая 1462 г. – ORF. Т. 15. P. 492-493.

³ См. указы об учреждении в 1389-1390 гг. Налоговой палаты и налогового суда. – ORF. Т. 7. P. 228-229, 245-247

⁴ О функционировании этого Совета свидетельствует Анри Бод в «Похвальном слове Карлу VII»: понедельник, вторник и четверг заседал совет по судебным делам, в среду – по делам войны, в среду, пятницу и субботу – по финансовым вопросам. См.: *Baude H. Eloge ou portrait de Charles VII // Chartier J. Chroniques de Charles VII, roi de France. 3 vols. P., 1858. Т. 3. P. 133.* О политических претензиях депутатов Штатов см. подробнее: *Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции. С. 183, 226-227.*

ные королем профессионалы – в зависимости от повестки заседания. Таким образом, состав Королевского совета отражал расстановку сил внутри «ближнего круга» короля и приоритеты его политики¹. Совет, по сути, сохранил за собой и дублировал все основные функции, которые осуществляли выделившиеся из Курии ведомства (суд, финансы и т.д.), воплощая тем самым неразделимость при монархической власти частного и публичного.

Учитывая эти тесные, не всегда формальные взаимосвязи Дома и Дворца, вопрос о точной численности королевского двора в XIII-XV вв. представляется мне искусственным. Разумеется, все исследователи сходятся во мнении, что численность двора росла в галопирующем темпе, даже если они ограниваются только службами «рта и тела» монарха². Такая тенденция не вызывает удивления, поскольку соответствует росту прерогатив и авторитета королевской власти в XIII-XV вв. К тому же она вписывается в столь же стремительный рост штатов публично-правовых ведомств короны.

А поскольку все королевские службы оплачивались из доходов казны, пусть и меняющихся по структуре, но всегда строго ограниченных, да еще в условиях Столетней войны, требования сократить число королевских должностных лиц становится топом общественно-политического мнения. В настойчивых советах королю вспомнить традиции и «жить на свое», то есть оплачивать растущий аппарат власти из домениальных доходов, а не из налогов, собираемых на войну, отражалась не только тяжесть подобных расходов, но и неготовность общества оплачивать государственные институты. Под этот лейтмотив разрабатывались все королевские указы о сокращении штатов чиновников.

Наиболее устойчивой критике в обществе подвергался конкретно рост числа служителей Дома короля. Начиная с заседаний Штатов 1356 г. тема сокращения придворных служб не выходила из поля обществен-

¹ Показательно, что нет ни одного королевского указа, регулирующего численность королевского Совета, хотя XIV-XV вв. были временем динамичного роста штатов чиновников и давления общества на власть с целью этот рост удержать. О Совете см. подробнее: *Guillot O., Rigaudière A., Sassier Y. Pouvoir et institutions...* Т. 2. P. 153-157.

² О параметрах роста численности двора свидетельствуют следующие данные: 200 человек в начале правления Филиппа IV Красивого, 300 – в конце его правления, при Филиппе VI Валуа – 500 человек; при Карле VI (конец XIV в.) около 800 (*Caron M.-Th. Noblesse et pouvoir royal*. P., 1994. P. 55; *Collard F. Pouvoirs et culture politique dans la France médiévale (V^e-XVe ss.)*. P., 1999. P. 190). Но в это число входили лишь те, кто «ест и спит при дворе» или имеет лошадей из придворных конюшен, но никто не может сосчитать «приглашенных», в том числе советников – членов Парламента или Палаты счетов (*Lalou É. Le Fonctionnement...* P. 152).

ного внимания¹. Те же идеи высказывали идеологи власти и политические мыслители. Об излишней численности служителей Дома короля писал в 1380-х годах Филипп де Мезьер, осуждая обычай кормить за королевским столом по 80-120 человек, ритуалы пышных празднеств с их чрезмерными расходами, наконец, излишнее число камергеров (*chambellains*) при персоне монарха. Чрезмерной численностью служителей Дома возмущался и канцлер Парижского университета Жан Жерсон: в речи 1405 г. перед королем он вопрошал, зачем тому 200 камергеров и столько же камер-юнкеров, зачем столько секретарей и прочих придворных? Вернуться к «добрым временам Людовика Святого» призывал в начале XV в. и автор «Совета Изабо Баварской», советуя свести двор к одному канцлеру, одному главному гофмейстеру, 3-4 гофмейстерам, сменяющим друг друга, и одному шталмейстеру. В конце XV в. Робер де Балзак, как и за сто лет до него, призывал короля сократить излишнюю численность служителей дома, «ибо это пустая трата (денег)»².

В этой заключительной проговорке «старого вояки» проступает истинная подоплека критики растущего штата Двора. На фоне скромных доходов казны и растущих расходов на аппарат усилилось напряжение между двумя конкурирующими структурами власти – Дома и Дворца, мечтающими, к тому же, о монополии. Соперничество двух параллельных структур нашло отражение в политических трудах выходцев из среды чиновничества.

В этой среде сеньориальные по своей природе службы Дома короля трактуются как избыточные, тем более в ситуации вольного или невольного перекрещивания их компетенций с «публичными» ведомствами короны. Так, в трактовке выходца из потомственной семьи чиновников

¹ «Мятежные» Штаты октября 1356 г. прямо потребовали, в рамках исправления трагического для Франции хода военных действий, сократить штат Дома короля: «restrindre son hostel par toutes les bonnes et honnestes voyes et manières que on pouroit» (Journal des états réunis à Paris au mois d'octobre 1356 // Nouvelle revue historique du droit français et étranger. 1900. Année 24. P. 443). Это же требование повторилось в ремонстрации Парижского университета в ходе кабошьянского восстания 1413 г., хотя здесь критика была более конкретна и детальна (Moranville H. Remonstrance de l'Université et de la Ville de Paris à Charles VI sur le gouvernement du royaume // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51. P. 420-442). Ограничить численность служб Дома предлагала и комиссия депутатов на Штатах в Туре в 1484 г. (Masselin J. Journal des États Généraux de France tenus à Tours en 1484 sous le règne de Charles VIII. Rouen, 1835. P. 363-367).

² Mézières Ph. de. Songe du viel pèlerin. 2 vols. Cambridge, 1969. T. 2. P. 224-225; Gerson J. Œuvres complètes. 10 vols. P., 1960-1975. T. 7. P. 1174; Advis à Isabelle de Bavière (anonyme) // Bibliothèque de l'École des chartes. 1866. T. 27. P. 139-140; Le traité de Robert de Balsac // Contamine Ph. Des pouvoirs en France. 1300-1500. P., 1992. P. 216.

Жана Жувеналья, служба вод и лесов, контролирующая доходы от домена, предстает бесполезной и неоправданной тяжестью для бюджета. И в обращениях к брату – канцлеру Франции, и в наставлениях королю Карлу VII этот опытный чиновник предлагал ее упразднить, а функции передать в ведение бальи, представителей короля на местах. Абсолютно излишней Жувеналь считал и должность главного хранителя лесов (*grant maistre des forest*), входящую в структуру Дома короля, предлагая передать ее функции Парламенту¹. Всегдашнее недовольство членов Парламента вызывало сохранение Палаты прошений Дома короля, и они воспользовались кризисом власти в период королевской схизмы 1418-1436 гг., чтобы упразднить ее при дворе Карла VII. Об этом «удачном опыте» королю решил напомнить Жувеналь в 1452 г., представив Палату прошений Дома в качестве резерва для сокращения в период очередного дефицита казны².

Таким образом, соперничество двух параллельных структур явно подогревалось нерасчлененностью их компетенций. В какой мере такая ситуация была следствием целенаправленной и намеренной «игры короля»? Думается, она, прежде всего, проистекала из самого процесса становления исполнительного аппарата короны Франции, который не следует трактовать как реализацию четкого «проекта» верховной власти. Для понимания этого процесса Н.А. Хачатурян очень точно и удачно уподобила его принципу «иррегулярного планирования», господствовавшему в средневековом градостроительстве³. В то же время, незыблемой основой этого переплетения функций Дома и Дворца была сама persona монарха, обладавшего нераздельно всеми властными прерогативами. Король Франции считался главой Парламента, о чем свидетельствует отведенное ему кресло под балдахином («ложе правосудия»), давшее в XV в. наименование особой торжественной церемонии. Он же был и главой палаты счетов, и при нем должны были проверяться доходы и расходы казны, как это неизменно изображалось на многочисленных миниатюрах⁴. И, разумеется, король был всевластным главой Королевского совета. В силу этого все наставления и зеркала концентрировались

¹ *Juvénal des Ursins J. Écrits*. Т. 1. P. 545; Т. 2. P. 342.

² Он предлагал назначить в эту Палату членов Парламента (6 человек) для разбора прошений на имя короля. Трактат был написан во время подготовки ордонанса о реформе правосудия (Монтиль-Ле-Тур 1454 г.). См.: *Ibid.* Т. 2. P. 328.

³ *Хачатурян Н.А.* Запретный плод... С. 16.

⁴ См.: *Mattéoni O.* Institutions et pouvoirs en France. XIVe-XVe siècles. P., 2010. P. 123-169. Поэтому, кстати, должность первого президента Палаты счетов считалась «почетной» и воспринималась как бенефиций, и на нее назначали фаворитов короля вне связи с их компетенцией. См.: *Jassemin H.* Op. cit. P. 29.

на проблеме выбора королем «правильного совета» и разумного способа принятия решений¹.

Оформление служб Дома и Дворца, таким образом, никак не влияло на тот неоспоримый факт, что король Франции был центром и источником власти. А это, в свою очередь, определяло новую политическую роль королевского двора в условиях складывания исполнительного аппарата короны Франции. Хотя двор «осени Средневековья» оставался кочующим и насчитывал лишь несколько сот человек, он уже в этот период превращался в прообраз двора Людовика XIV. Исследователи уверенно датируют концом XIV в. дату рождения придворного общества и собственно двора, отличного от структур Дома и Дворца². Определяющим фактором политического влияния двора являлась близость к королю как источнику власти. Все, кто так или иначе был допущен к «уху» монарха, кто имел с ним особые личные и неформальные отношения, приобретали частичку власти и, следовательно, политического веса. Тень короля – двор становится, по выражению Б. Гене, главной пружиной государственной машины³.

Близость к персоне монарха давала придворным возможность влиять на политику короны через продвижение своих ставленников и фаворитов на должности в институты государственного аппарата. Ведь несмотря на возникновение бюрократических практик комплектования, в том числе – конкурсного отбора, все должности давал только сам король. Эта новая ситуация нашла выражение в образе двора как торжища, где, по словам Мезьера, молитвы божественной литургии в королевской капелле заглушаются просьбами «о дарах, милостях и должностях, словно бы это была ярмарка»⁴. Не случайно с конца XIV в. в политических произведениях идеологов власти возникает тема незаконного фаворитизма при раздаче королевских должностей. Критика фавора базируется на защите интересов короля от давления придворных кланов, угрожающих «двоелюби-

¹ См. подробнее: Цатурова С.К. «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: Представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // Искусство власти. Сб. в честь Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 99-131.

² Histoire de la France politique. Le Moyen âge. Le roi, l'Église, les grands, le peuple. 481-1514. / Sous la dir. de Ph. Contamine. P., 2002. P. 496-497; Histoire culturelle de la France. Vol. I. Le Moyen âge. Sous la dir. de M. Sot. P., 2005. P. 309.

³ Guenée B. Cour. P. 253. Те же тенденции исследователи обнаруживают при английском дворе. См.: Паламарчук А.А. «Светило, сияющее лишь отраженным светом»: Стереотипы современников и исследования по истории английского королевского двора // Королевский двор в Англии... С. 18-24; Федоров С.Е. «Domus regis» и «familia regis» в раннее Новое время // Там же. С. 27-44.

⁴ «une foire ordonnée» (Mezières Ph. de. Songe. T. 2. P. 252-253). См. детальное исследование этой темы: Mattéoni O. Institutions et pouvoirs... P. 21-32.

ем» чиновников – конфликтом верности королю с преданностью благодетелю, ведь протееже являлся «его человеком больше, чем человеком короля». Разумеется, ущерб королю наносили и назначения по дружбе и радению людей недостойных; зачастую такое радение было и небескорыстным. Мезьер, осуждавший эти «публичные и тайные союзы», видел и обратную угрозу: «благодетель», поставивший на должность своего протееже, затем покупал его лояльность (защиту своих интересов перед королем) и секреты власти¹.

Наиболее мощным источником давления на короля были, естественно, принцы крови и знать, однако однозначно запретить их вмешательство в королевские прерогативы, как это периодически провозглашали королевские указы², было не только сложно, но и опасно. Устойчивость королевского дома Франции не в последнюю очередь гарантировал порядок наделения принцев крови частью верховных властных полномочий – в апанажах или в отдельных сферах власти, что обеспечивало их лояльность³. Двор короля Франции был пространством политической игры сильных соперников, а засилье клиентел принцев крови и знати в органах управления отражало соотношение сил, как и обеспечивало конечную победу монарха, идущего на частные уступки ради сохранения авторитарного принципа⁴. Кстати, не меньшую роль начинают играть и формирующиеся чиновные кланы и клиентелы, но и они укрепляли власть короля, гарантируя ему лояльность и преданность чиновников⁵.

Наконец, личностный принцип в отпращивании власти, в том числе и в комплектовании, не только был неустрашим при монархическом правлении, но он вообще присущ человеческим взаимоотношениям (особое расположение, личная симпатия или доверие) и потому присутствует

¹ Mezières Ph. de. Songe. T. 1. P. 469, 502; T. 2. P. 11, 350-352. Аналогичную угрозу власти от засилья кланов и клиентел видели и Кристина Пизанская, и Жан Жерсон, и Жан Жувеналь. См.: *Christine de Pisan. Le livre des faits et bonnes moeurs du roi Charles V le Sage*. 2 vols. P., 1936-1940. T. 2. P. 58-60; *Idem. Le livre du corps de policie*. P., 1998. P. 39; *Gerson J. Œuvres*. T. 7. P. 1019; *Juvénal des Ursins J. Écrits*. T. 1. P. 454, 519.

² См.: ORF. T. 6. P. 514, 517; T. 8. P. 468-469.

³ *Lewis A. Royal succession in Capetian France : studies on familial order and the State*. Cambridge (Mass.), 1981.

⁴ Сборник формуляров типовых писем о назначениях чиновников, составленный в 1430-х гг. Одаром Моршеном, свидетельствует о легализации продвижения по протекции знати и принцев крови. См.: *Le Formulaire d'Odart Morchesne dans la version du mss BNF fr. 5024*. P., 2005. P. 203-204 (N 7.6.e); 206 (N 7.8.a).

⁵ О кланах как стратегии бюрократизации власти и «игре короля», сталкивающего чиновные и придворные клиентелы с целью их контроля, писал П. Бурдьё, видя в этом усиление личной власти монарха. – *Бурдьё П. От королевского дома к государственному интересу...* С. 262-266.

во всех политических системах. Фавор короля с этой точки зрения был вполне законным способом социального возвышения, и осуждалась лишь милость не по заслугам¹.

Все это придавало королевскому двору новую значимость, отразившуюся в едва ли не самой существенной трансформации – в смене его образа². Какой еще топос западноевропейских политических представлений может конкурировать с сатирой на двор и с его inferнальным образом? В этом смысле историографическая традиция осуждения придворных нравов имеет глубокие, можно сказать, античные корни. Идущий от Бозция через Иоанна Солсберийского негативный образ придворного прочно утвердился в политической ментальности Средневековья. Первые же ордонансы о Доме короля Франции настоятельно предписывали защищать персону монарха от «паразитов», наводняющих залы во время королевской трапезы³. Все наставления и зеркала государей полны уничижительными изображениями куртизанов – придворных паразитов и льстецов, «псов двора» (*palatini canes*), «Тразонов и Гнатонов» из «Евнуха» Теренция⁴.

Институционализация двора выразилась в появлении особых терминов для обозначения фаворитов короля, осыпавшихся чрезмерными и незаслуженными милостями. Во второй половине XIV в. их называли «магометами» (*mahomets*): именно так характеризует Филипп де Мезьер придворных, кто ищет лишь частной выгоды от близости к королю и обращает королевский фавор в звонкую монету⁵. А с XV в. их стали именовать миньонами⁶.

И все же постепенно образ придворного приобретает объемность, а его роль наделяется рядом положительных черт. Поскольку, как выше было показано, в число куриалов входили и чины королевской администрации, неудивительно, что именно под их пером происходят первые преобразования придворного. Эту тенденцию отчетливо отразил трактат

¹ *Mezières Ph. de. Songe*. Т. 1. P. 234; *Gerson J. Œuvres*. Т. 7. P. 1179.

² См. об этом подробнее: *Autrand Fr. De l'Enfer au Purgatoire: la cour à travers quelques textes français du milieu du XIVe à la fin du XVe siècle // L'État et les aristocraties (France, Angleterre, Écosse)*. P., 1989. P. 51-78.

³ Ордонанс от 1291 г. см.: *Lalou É. Le fonctionnement de l'Hôtel...* P. 155.

⁴ Яркий пример – трактат середины XIV в.: *Montebelluna F. de. Tragicum argumentum de miserabili statu regni Francie (1357) // Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France*. An. 1962-1963. P., 1964. P. 101-163. Спустя сто лет под пером Тома Базена вновь возникают «придворные псы» (*canibus illis palatinis*) см.: *Basin Th. Histoire de Charles VII*. 2 vols. P., 1933-1944. Т. 2. P. 306.

⁵ *Mahommez a la court royalle... mahommez qui a sa part au butin. – Mezières Ph. de. Songe*. Т. 1. P. 460, 470.

⁶ *Histoire culturelle de la France...* P. 333.

«Сновидение садовника», написанный в конце XIV в. по заказу Карла V Мудрого кем-то из его ближайшего окружения, вероятно Эваром де Тремогоном, королевским советником и мэтром Палаты прошений Дома. Здесь придворные названы «мучениками света, живущими в трудах и великих деяниях». Но соблазны, подстерегающие их при дворе, грозят превратить их в «мучеников дьявола»¹. Так впервые легитимизируется с моральной точки зрения придворная служба и даруемое ею благосостояние.

Конечно, при дворе царит «сладкая жизнь», сыплются щедроты и распалается гордыня, но подстерегают и угрозы, на которые начинают обращать внимание на рубеже XIV-XV в. Излюбленный «осенью Средневековья» образ колеса Фортуны как нельзя лучше подошел бы к описанию карьеры именно придворного, чье богатство и фавор оказываются нестабильными. Кроме того, двор забирает у человека свободу, подчиняя строгому этикету (отсюда идея «рабства придворного»). Но неожиданно начинают отмечаться и благие последствия пребывания при дворе короля. Главными среди них – и это поразительным образом предвосхищает «цивилизацию нравов» Н. Элиаса – становятся светские «манеры»².

Последняя, наиболее существенная трансформация также происходит в этот период: двор монарха приобретает репрезентативную функцию, которая станет самой значимой в его последующей истории. Театр власти как символическое выражение величия и могущества короны Франции – разыгрывал свои «спектакли» в основном при королевском дворе³. Короля делает свита, и чем она больше, тем лучше, даже если существенно возрастали расходы, вокруг которых велись нескончаемые споры. Пусть королевский церемониал находился еще в зачаточном состоянии, но постепенно начинает складываться осознание, что двор есть «образ короля». А значит, расходы на него оправданны. Красноречивым свидетельством совершившегося «переворота в головах» критиков власти может послужить «Ремонстрация Парижского университета», поданная королю в разгар восстания кабошьенов, 13 февраля 1413 г. Критикуя траты казны, авторы, однако, не ставят под со-

¹ Образ, вероятно, взят у Пьера де Блуа: «Les martyrs du siecle et du monde... martires dyaboli et non du Christi». – *Songe du vergier*. 2 vols. P., 1982. Т. 1. P. 333-334.

² До Эташа Дешана, первым заговорившего о положительном опыте нахождения при дворе (*Autrard Fr.* Op. cit. P. 60), о дворе как месте спасения придворного через смягчение нравов государя и его советников написал Жувеналь, потомственный королевский чиновник, и это весьма знаменательно (*Juvénal des Ursins J. Écrits*. Т. 1. P. 463).

³ О значении «литургии монархии» см.: *Хачатурян Н.А.* Власть и общество... С. 235-236.

мнение необходимость оплачивать целиком личные расходы короля, королевы, дофина и их дворов, ставя их на один уровень с расходами на оборону страны. Более того, королю прямо брошен упрек за невыплату жалования служителям двора, отчего те впали в нищету и страдание, и что еще важнее, свита сделалась не столь почтенна, как того требует королевский статус¹.

Таким образом, двор короля Франции в XIII-XV в. пережил подлинное всестороннее обновление. Он обрел институциональную форму, по-новому соединил службы Дома и Дворца, породив придворное общество. Двор не перестал быть «местом власти» и даже усилил свое влияние на политику короны, в частности, через кланы и клиентелы, через пенсии и дары. Двор остался центром принятия решений, благодаря, прежде всего, близости к персоне монарха. Находясь в эпицентре общественной критики за расточительство, незаслуженное возвышение и обогащение, придворное общество отвоевывает себе новую репрезентативную функцию как символическое выражение авторитета и величия короны Франции.

Список литературы

Guenée B. Cour // Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval. P., 1999.

Guenée B. L'histoire de l'État en France à la fin du Moyen âge vue par les historiens français depuis cent ans // Revue historique. 1964. Т. 232. N 1012.

Хачатурян Н.А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. М.; СПб., 2001. [*Hachaturjan N.A.* Zapretnyj plod... ili Novaja zhizn' monarshego dvora v otechestvennoj medievistike // Dvor monarha v srednevekovej Evrope: javlenie, model', sreda. M.; SPb., 2001].

Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002. [*Jelias N.* Pridvornoe obshhestvo: Issledovanija po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii, s Vvedeniem: Sociologija i istorija. M., 2002].

Austrand Fr., Barthélemy D., Contamine Ph. L'espace français : histoire politique du début du XIe à la fin du XVe siècle // L'Histoire médiévale en France. Bilan et perspectives. P., 1991.

¹ Serviteurs de vostre hostel... ne sont pas si honnestement entour vous comme il appartient... en grant abessement de vostre estat qui doit preceder tous les autres. – *Moranvillé H.* Remonstrance... P. 423-424. N VI.

Gauvard Cl. Le rituel, objet d'histoire // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen âge en France et en Allemagne: Actes du colloque de Sèvre (1997) et Göttingen (1998). P., 2002.

Oexle O.G. Les tendances actuelles de la recherche médiévale française vues d'Allemagne // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen âge en France et en Allemagne: Actes du colloque de Sèvre (1997) et Göttingen (1998). P., 2002.

La cour amoureuse, dite de Charles VI (statuts et armoriaux). P., 1982.

Moeglin J.-M. Les recherches françaises sur les cours et les résidences au bas Moyen Age // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen âge en France et en Allemagne: Actes du colloque de Sèvre (1997) et Göttingen (1998). P., 2002.

Двор монарха в средневековой Европе; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004. [Dvor monarha v srednevekovoj Evrope; Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. Teorija. Simvolika. Ceremonial. M., 2004].

Священное тело короля. Ритуалы и морфология власти. М., 2006. [Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i morfologija vlasti. M., 2006].

Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. [Iskusstvo vlasti. Sbornik v chest' professora N.A. Nachaturjan. SPb., 2007].

Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. [Vlast', obshhestvo, individ v srednevekovoj Evrope. M., 2008].

Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [Imperii i jetnonacional'nyje gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011].

Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011].

Королевский двор в Англии XV-XVII веков. СПб., 2011. [Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vekov. SPb., 2011].

Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. [*Nachaturjan N.A.* Vlast' i obshhestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka. M., 2008].

Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. [*Bojcov M.A.* Velichie i smirenie. Oчерki politicheskogo simbolizma v srednevekovoj Evrope. M., 2009].

Lalou É. Chancellerie et Hôtel à l'époque de Philippe le Bel // *Écrits et pouvoir dans les chancelleries médiévales : espace français, espace anglais : Actes du colloque intern. de Montréal, 7-9 sépt. 1995.* Louvain, La Neuve, 1997.

Lalou É. Le fonctionnement de l'Hôtel du Roi du milieu du XIIIe au milieu du XVe siècle // *Vincennes aux origines de l'État moderne : Actes du colloque scientifique sur «Les Capétiens et Vincennes au Moyen âge».* P., 1996.

Носова Е.И. Бургундский двор XV века: структура, организация, социальный состав. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2011. [*Nosova E.I.* Burgundskij dvor XV veka: struktura, organizacija, social'nyj sostav. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. SPb., 2011].

Petit J. et al. Essai de restitutions des plus anciens mémoriaux de la chambre des Comptes de Paris. P., 1899.

Nortier M. Le sort des archives dispersées de la Chambre des comptes de Paris // *Bibliothèque de l'École des chartes.* 1965. T. 123.

Valois N. Étude historique sur le Conseil du Roi. P., 1886.

Guide des recherches dans les fonds judiciaires. P., 1958.

Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк (987-1460). М., 2000. [*Djubi Zh.* Istorija Francii. Srednie veka. Ot Gugo Kapeta do Zhanny d'Ark (987-1460). M., 2000].

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. [*Benvenist Je.* Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov. M., 1995].

Vocabulaire historique du Moyen âge. P., 1995.

Бурдьё П. От королевского дома к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. [*Burd'jo P.* Ot korolevskogo doma k gosudarstvennomu interesu: model' proishozhdenija bjurokraticheskogo polja // *Burd'jo P.* Sociologija social'nogo prostranstva. M.; SPb., 2007].

Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002. [*Tsaturova S.K.* Oficery vlasti. Parizhskij Parlament v pervoj treti XV v. M., 2002].

Цатурова С.К. Король Франции и его чиновники (Своеобразие реализации принципа абсолютной власти Quod principi placuit) // *ФЕ 2005.* М., 2005. [*Tsaturova S.K.* Korol' Francii i ego chinovniki (Svoeobrazie realizacii principa absoljutnoj vlasti Quod principi placuit) // *Annuaire d'études françaises 2005.* M., 2005].

Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. [*Hachaturjan N.A.* Soslovnaja monarhija vo Francii XIII-XV vv. M., 1989].

Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. [Malov V.N. Zh.-B. Kol'ber. Absolutistskaja bjurokratija i francuzskoe obshhestvo. M., 1991].

Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV-XV вв. // Священное тело короля. Ритуалы и морфология власти. М., 2006. [Tsaturova S.K. Svjashhennaja missija korolja-sudii, ee vershiteli i ih status vo Francii XIV-XV vv. // Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i morfologija vlasti. M., 2006]

Ducoudray G. Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1902.

Цатурова С.К. Номинация ведомств и служб как стратегия формирования суверенитета королевской власти во Франции XIII-XV веков // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [Tsaturova S.K. Nominacija vedomstv i sluzhb kak strategija formirovanija suvereniteta korolevskej vlasti vo Francii XIII-XV vekov // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011].

Ordonnances des rois de France de la troisième race. 22 vols. P., 1723-1849.

Viard J. La Cour (Curia) au commencement du XIVe siècle // Bibliothèque de l'École des chartes. 1916. T. 77.

Descimon R., Guéry A., Le Goff J. La longue durée de l'État. P., 2000.

Стукалова Т.Ю. Введение в средневековую французскую архонтологию. М., 2001: [Stukalova T.Ju. Vvedenie v srednevekovuju francuzskuju arhontologiju. M., 2001].

Juvénal des Ursins J. Écrits politiques. Éd. P.S. Lewis. 2 vols. P., 1978, 1985. T. 1.

Viard J. Gages des officiers royaux vers 1329 // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51.

Morel O. La grande chancellerie et l'expéditions des lettres royaux de l'avènement de Philippe de Valois à la fin du XIVe siècle (1328-1400). P., 1900.

Guillot O., Rigaudière A., Sassier Y. Pouvoir et institutions dans la France médiévale. 2 vols. P., 1994. T. 2.

Lot F et Fawtier R. Histoire des institutions françaises au moyen âge. 3 vols. P. 1957-1962. T. 2.

Dalas-Garrigues M. Origine et naissance des sceaux du Parlement // Bibliothèque de l'École des chartes. 1988. T. 146.

Bautier R.-H. Le personnel de la chancellerie royale sous les derniers Capétiens // Prosopographie et genèse de l'État moderne: Actes de la table

ronde organisée par le CNRS et ENS de jeune fille, Paris, 22-23 octobre 1984. P., 1986.

AN. Grande Chancellerie et Conseil. Répertoire numérique de la Série V. T. 1. P., 2000.

Borrel de Serres L. Recherches sur divers services publics du XIII au XVII siècle. 3 vols. P., 1895-1909.

Lalou É. La Chambre des comptes de Paris : sa mise en place et son fonctionnement (fin XIIIe-XIVe siècle) // La France des principautés. Les Chambres des comptes XIVe et XVe siècles: Actes du colloque tenu les 6, 7 et 8 avril 1995. P., 1996.

Les eaux et forêts du XIIe au XXe siècle. P., 1990.

Les Chambres des comptes en France aux XIVe et XVe siècles. P., 1998.

Guyotjeannin O. Un archiviste du XIVe siècle. Entre érudition et service du prince: les « notabilia » de Gérard de Montaigu // Histoire des archives. Recueil d'articles offerts à Lucie Favier par ses collègues et amis. P., 1997.

Jassemmin H. La chambre des comptes de Paris au XVe siècle. P., 1933.

Baude H. Eloge ou portrait de Charles VII // *Chartier J.* Chroniques de Charles VII, roi de France. Publ. Vallet de Viriville. 3 vols. P., 1858. T. 3.

Caron M.-Th. Noblesse et pouvoir royal. P., 1994

Collard F. Pouvoirs et culture politique dans la France médiévale (V^e-XVe ss.). P., 1999.

Journal des états réunis à Paris au mois d'octobre 1356 // Nouvelle revue historique du droit français et étranger. 1900. Année 24.

Moranvillé H. Remonstrance de l'Université et de la Ville de Paris à Charles VI sur le gouvernement du royaume // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51.

Masselin J. Journal des États Généraux de France tenus à Tours en 1484 sous le règne de Charles VIII. Rouen, 1835.

Mézières Ph. de. Songe du viel pèlerin. 2 vols. Cambridge, 1969. T. 2.

Gerson J. Œuvres complètes. 10 vols. P., 1960-1975. T. 7.

Advis à Isabelle de Bavière (anonyme). Éd. E. Deprez // Bibliothèque de l'École des chartes. 1866. T. XXVII.

Le traité de Robert de Balsac. Éd. Ph. Contamine // *Contamine Ph.* Des pouvoirs en France. 1300-1500. P., 1992.

Mattéoni O. Institutions et pouvoirs en France XIVe-XVe siècle. P., 2010.

Цатурова С.К. «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: Представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // Искусство власти. Сб. в честь Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. [*Tsaturova S.K.* «Korol' – chinovnik, svjashhennaja osoba ili osel na trone?»: Predstavlenija

ob objazannostjah korolja vo Francii XIV-XV vv. // *Iskusstvo vlasti*. Sb. v chest' N.A. Hachaturjan. SPb., 2007].

Histoire de la France politique. Le Moyen âge. Le roi, l'Église, les grands, le peuple. 481-1514. P., 2002.

Histoire culturelle de la France. Vol. 1. Le Moyen âge. P., 2005. P. 309.

Паламарчук А.А. «Светило, сияющее лишь отраженным светом»: Стереотипы современников и исследования по истории английского королевского двора // *Королевский двор в Англии XV-XVII веков*. СПб., 2011. [*Palamarchuk A.A.* «Svetilo, sijajushhee lish' otrazhennym svetom»: Stereotipy sovremennikov i issledovanija po istorii anglijskogo korolevskogo dvora // *Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vekov*. SPb., 2011].

Федоров С.Е. «Domus regis» и «familia regis» в раннее Новое время // *Королевский двор в Англии XV-XVII веков*. СПб., 2011. [*Fedorov S.E.* «Domus regis» i «familia regis» v rannee Novoe vremja // *Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vekov*. SPb., 2011].

Christine de Pisan. Le livre des faits et bonnes moeurs du roi Charles V le Sage. 2 vols. P., 1936-1940. T. 2.

Christine de Pisan. Le livre du corps de policie. P., 1998.

Lewis A. Royal succession in Capetian France: studies on familial order and the State. Cambridge (Mass.), 1981.

Le Formulaire d'Odart Morchesne dans la version du mss BNF fr. 5024. P., 2005

Autrand Fr. De l'Enfer au Purgatoire: la cour à travers quelques textes français du milieu du XIVe à la fin du XVe siècle // *L'État et les aristocraties* (France, Angleterre, Écosse). P., 1989.

Montebelluna F. de. Tragicum argumentum de miserabili statu regni Francie (1357) // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France*. An. 1962-1963. P., 1964.

Basin Th. Histoire de Charles VII. 2 vols. P., 1933-1944. T. 2.

Songe du vergier. 2 vols. P., 1982. T. 1.